

Олег МАТВЕЙЧЕВ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

ЧТО ДЕЛАТЬ, РОССИЯ?

ПРОРЫВНЫЕ
СТРАТЕГИИ ТРЕТЬЕГО
ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

РОССИЯ

Лучший способ добиться признания Европы – сделать так, чтобы Россия сама стала центром Европы, а Европа – окраиной России.

Олег Матвейчев

**Что делать, Россия? Прорывные
стратегии третьего тысячелетия**

«Автор»

2011

Матвейчев О. А.

Что делать, Россия? Прорывные стратегии третьего тысячелетия /
О. А. Матвейчев — «Автор», 2011

Эта книга для тех, кто не готов сломаться под воздействием всяческих кризисов, катаклизмов, переломных моментов. Для тех, кто ищет пути решения проблем и живет по принципу: делай, что должен, и будь что будет. Олег Матвейчев, известный политолог, не согласен с мнением, все более набирающим силу, что все у нас в стране и в мире плохо, ничего нельзя сделать, людям остается только сидеть и дожидаться, когда еще чего-нибудь плохого власть придумает. Поэтому он предлагает несколько эффективных стратегий решения глобальных и государственных проблем, в которых каждый из вас может принять участие или стать организатором.

© Матвейчев О. А., 2011

© Автор, 2011

Содержание

Суверенитет духа	5
Проект и урок Петра Великого	13
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Олег Анатольевич Матвейчев

Что делать, Россия? Прорывные стратегии третьего тысячелетия

Суверенитет духа

Все, наверное, помнят одно из центральных событий последних лет: смерть Папы Римского – Иоанна-Павла II. В Ватикан съехались миллионы паломников. Миллиард католиков по всему миру ощутили, что произошло событие, касающееся их лично. Главы практически всех государств (в том числе мусульманских и вообще не имеющих в традиции авраамических, библейских традиций) лично прилетели проводить в последний путь человека, пользовавшегося в мире огромным авторитетом.

Честно говоря, умерший понтифик не заслуживал и тысячной доли выпавших ему почестей (он принес много вреда не только России, но главным образом самому католичеству), тем более удивительно все, что происходило.

Ватикан не обладает экономической мощностью, он живет на «пожертвования». Он владеет акциями, но вряд ли жизнь рантье – свидетельство экономического лидерства. Ватикан не обладает военной мощностью, несколько сот швейцарских гвардейцев не в счет. Ватикан не имеет атомной бомбы и лишен так называемого «ядерного суверенитета», у него нет места в Совете Безопасности ООН.

Политическая система Ватикана тоже не является эталоном цивилизованности. Всякому приличному государству полагается быть демократией, а Ватикан – абсолютная (даже не конституционная!!!) монархия. Однако никто не причисляет Ватикан к «оси зла», к странам-изгоям, не грозит ему бомбежками, не разворачивает на его территории широкую сеть институтов и фондов, НГО и НКО. На Ватикан не транслируются передачи Радио «Свобода» на латинском языке, не проводятся международные конференции под лозунгом «Последний диктаторский режим Европы». В отличие от Лукашенко, папу не дразнят «батькой», хотя ему бы эта кличка больше подошла.

Подобные «недружественные» действия, попытки хоть как-то воздействовать на суверенитет Ватикана, а тем более, лишить его суверенитета сразу бы вызвали огромную реакцию по всему миру. Почти миллиард католиков, как минимум, взволновались бы, и уж среди них наверняка бы нашлось несколько миллионов, готовых пожертвовать жизнью в войне с любым агрессором.

Кто-то может возразить, мол, зачем лишать Ватикан суверенитета, ведь победитель не получит трофеев, да и само это государство весьма безобидное, ни на кого не покушающееся...

Это, безусловно, не так. Ватикан сыграл серьезную роль в разрушении СССР, а если смотреть дальше, вглубь веков, то обнаружится, что римские Папы были одними из крупнейших геополитических игроков в Истории. Минимум три нашествия, в результате которых Россия могла потерять суверенитет (поход Ливонского ордена, поход Мамай, польская интервенция), организовал Ватикан. Что касается трофеев, то сокровищницы Ватикана являются самым большим в мире хранилищем культурных и антикварных ценностей. Так что и повод, и причину для агрессии и лишения Ватикана суверенитета найти можно.

Но никто не лишает Ватикан суверенитета, более того, никому даже в голову не приходит столь безумная мысль. Мысль о завоевании богатой страны приходит часто. О завоевании слабой или даже сильной страны (хотя бы из чувства безопасности, как игра на опережение),

тоже не редкость. А вот по поводу Ватикана... Ни в одном генштабе не написан план соответствующей операции.

В чем же дело? Получается, самый твердый, непробиваемый гарантированный суверенитет держится не на силе, не на экономической мощи, не на атомной бомбе, а на духе. Суверенитет Ватикана держится только на том, что это – центр католичества, мировой религии.

Напрасно кто-то думает, что речь идет только о Ватикане как о чем-то из ряда вон выходящем или экзотическом. Сущность любого феномена не есть нечто абстрактно-всеобщее, витающее над представителями данной сущности. Существенное и всеобщее фигурирует, как правило, в качестве особенного наряду с другими особенными. Мы не получим никогда сущность суверенитета, взяв 150 государств и пытаясь путем отвлечения создать общее понятие. Напротив, взяв одно государство, которое выглядит как ИСКЛЮЧЕНИЕ из правила, мы поймем и само правило.

Все, что сказано о Ватикане, еще в большей степени применимо к любой другой суверенной стране, и тем больше, чем более она суверенна. Это относится, например, к Саудовской Аравии. США из соображений экономической безопасности, может быть, давно бы уже захватили весь Аравийский полуостров, который хранит в себе запасы 50 % самой дешевой и качественной мировой нефти. Но не экономическая и военная мощь останавливает США. Мекка – центр мировой религии. Представьте, сколько «Боингов» полетит на всевозможные всемирные торговые центры, сколько пакетиков с порошком сибирской язвы отправится по почте в случае какого-либо военного поползновения! Мекка – залог нынешнего и будущего суверенитета арабов.

Точно так же и сам Вашингтон является «Ватиканом демократической религии», и он решает, что является демократией, а что – ересью. Там находится «золотой эталон» демократии, как в палате мер и весов. И всякий, кто принял этот демократический дискурс, кто принял эти правила игры, уже не суверенен. Он может быть сколь угодно демократичным, но если Вашингтону что-то не понравится, «еретик» будет вынужден «идти в Каноссу».

Пока используем чужой дискурс, мы рабы того, кто этот дискурс создал или присвоил себе право говорить от имени создателя. Поэтому «суверенная демократия», о которой сейчас много разговоров, возможна только для Вашингтона.

Представьте, как в глазах католиков выглядел бы тот, кто заявил, что в его стране «суверенное католичество», объявил себя папой и сказал бы, что у него нет разногласий с Папой Римским по догматическим вопросам, нет различий в богослужении, но поскольку он «суверенный католик», то решения будет принимать сам...

Да суть католичества как раз в том, что Папа Римский – главный католик. Поэтому католики всего мира, несмотря на отсутствие догматических разногласий и даже различий в богослужении, тут же объявят «суверенного католика» еретиком. Точно так же Россию, будь она хоть в сто раз демократичнее всех демократий мира, ее все равно объявят НЕ-демократией, как только она всерьез (а не в декларациях) станет действовать вразрез с повелениями Папы Вашингтонского. Что, собственно, и происходит.

Сейчас, правда, на центр «мировой демократической религии» претендует Европейское Сообщество. Как такое возможно?

Все проблемы Вашингтона и США начались с того, что они перестали быть духовным авторитетом для народов мира. Сколько бы США ни демонстрировали политкорректность, спецоперации ЦРУ, удары по Югославии, Афганистану и Ираку окончательно похоронили миф о том, что Америка – это страна-освободительница. Новая империя – да, мировой жандарм – да, тот, кто берет силой, а не соблазном, – да.

Америка пытается соблазнить, но ее фокусы сродни тем, что все уже видели на ярмарке. При слове «демократия» вздымается грудь только у самых провинциальных и отсталых народов. Остальные хотят большего. И чем меньше Америка способна соблазнять, тем больше

она пользуется насилием, а чем больше насилует, тем меньше способна соблазнять. Теряется духовный авторитет, теряется власть. Ведь настоящая власть там, где не требуется насилие. Наоборот, применение силы говорит, скорее, о слабости.

Когда-то «Меккой и Ватиканом мирового коммунизма» была Москва. Именно здесь решали кто коммунист, а кто ренегат и ревизионист. Так было до тех пор, пока мы не перестали быть духовным авторитетом и сделали ставку на танки и ракеты (то в Венгрии, то в Чехии, то в Афганистане). Кто и когда решил, что сила государства зависит от оружия и армии, а не от способности очаровывать, не от духовного влияния? Тот, кто это решил, тот и угробил СССР. Сейчас мы вообще играем по чужим правилам, и значит, мы не суверены.

Суверенитет – это только духовный суверенитет. Такой суверенитет духа лучше всякой армии, атомной бомбы и экономики. Разговоры про то, что атомное оружие гарантия суверенитета – ерунда. Если в стране правит элита, хранящая деньги за рубежом, она никогда и не подумает воспользоваться оружием для удара по загранице, где лежат ее деньги, в целях сохранения суверенитета. А значит, если элита духовно живет в другом месте и духовно поработана, любое оружие в ее руках бесполезно. Это все равно что оружия нет.

Да что деньги! Никакой атомной бомбы нет, если нет человека, у которого хватит духа нажать на кнопку в случае чего. В России, например, уже лет 40 нет руководства, способного на это. Горбачев, который сдал страну, просто был последователен: он знал, что никогда не нажмет ни на какие ядерные кнопки. Он был восхищен Западом, похищен им.

Как ни велики наши военные победы, суверенитет, который держится силой оружия, – недостаточен, нестойк, временен и является только предпосылкой подлинного духовного суверенитета. *Гарантированно суверенен тот народ, чей суверенитет никто не только не может, но и не хочет поколебать. А это возможно только когда народ обладает ценностью в глазах других народов, когда он уникален, незаменим и неповторим, несет миссию, нужную всем другим народам. Когда он, говоря языком рынка, имеет «уникальное торговое предложение», «уникальное позиционирование» в духовном смысле.*

Нам говорят, Россия строит демократию. Зачем? Чтобы быть еще одним сто двадцать пятым демократическим государством? Что в мире изменится, если одной «демократией» станет меньше или больше? То, что валяется на каждом углу, никто не ценит. Если мы повторяем вслед за Вашингтоном его лозунги и заклинания, то почему хотим, чтобы Грузия и Украина повторяла их за нами? Они желают первый сорт, поэтому будут слушать Америку Другое дело, что слова американцев – тухлятина, а вот что-то свежее никто еще в мире не предложил.

Когда я однажды высказал это, один демократ мне тут же выставил остроумное, как ему казалось возражение: демократия, дескать, как газ на кухне – просто условие жизни, тут не нужно уникальное торговое предложение. Ценности демократии вне конкуренции, это что-то общепризнанное и простое.

Сравнение с газом на кухне явно некорректно, но даже если признать это сравнение, оно обернется не в пользу демократов. Ведь газ когда-то закончится! А если не будем искать альтернативные виды топлива и энергии, рискуем остаться без отопления. Как есть совершенствование в области энергетики, так тем более есть совершенствование в общественных науках и практике. Демократия – устаревшая и мало когда работавшая фикция.

Суверенность сегодня понимают часто как следование собственным интересам всегда и везде. Но на самом деле стратегия следования в политике принципам прагматизма разрушает государство, уничтожает суверенитет.

Когда-то Пальмерстоун заявил, что у Англии нет вечных друзей и врагов, а есть вечные интересы. Красиво сказано. Но к чему привела такая логика? Великобритания, империя, «над которой не заходило солнце», значила для XIX века больше, чем США для XX века. А чем все закончилось? Великобритания стала еще одним «демократическим государством». Страной, до сих пор не суверенной, об исчезновении которой можно было бы пожалеть разве что в связи

с рок-музыкой. Вот к чему ведут гениальные геополитики, следующие вечным интересам. К такому же финалу приведут США и нынешние игроки на мировых «шахматных досках» типа Бжезинского.

Но если столь печальная участь уготована гениальным геополитикам, что ждать не гениальным? А ведь они всерьез твердят о «прагматизме», о подходе с «позиции национальных интересов»...

Отношения между государствами можно представить на примере отношений между знакомыми. Если кто-то вдруг заявит, что он всегда и везде следует собственным интересам, если на любую вашу просьбу отвечает: «А что я буду с этого иметь?», вряд ли такой человек будет вам другом, вряд ли вы его станете любить, вряд ли пожалеете, если он выпадет из вашего поля зрения. Нет, конечно, вести себя, исходя из собственных интересов, – его право. Но почему у того, кто пользуется этим правом, дурная репутация? Почему привычка «качать права» считается отвратительной, неблагородной, низкой?

Да неужели непонятно, что заявки о наших «национальных интересах» никому неинтересны, кроме нас и, более того, провоцируют других сразу думать о своих национальных интересах в противовес нашим?

Как честность и откровенность вызывают ответную честность и откровенность, так хитрый блеск в глазах собеседника провоцирует ответную хитрость: ты меня хочешь обмануть, значит, идешь на риск быть обманутым, ну и не обижайся, если я тебя обману!

В ситуации, когда каждый борется за себя, когда идет война всех против всех, никакой суверенитет не может быть устойчивым, никакая коалиция не вечна, все преимущества, сила и власть – временны.

Военная мощь, материальные богатства – все это временный ресурс, а ставка на временное дает лишь временное преимущество. Если кто-то хочет непоколебимого суверенитета, то он должен ставить на вечное, на Дух.

Тот, кто хочет быть сувереном, гарантированным сувереном, тот должен обеспечить себе такое место в мире, когда другие государства предпочтут умереть сами или нанести вред себе, нежели покуситься на того, кого считают воплощением некой духовной ценности.

И не говорите, что так не бывает. Ющенко и Саакашвили идут против прагматических интересов только потому, что верят в западные ценности. Например: Украина теряет от блокады Приднестровья сотни миллионов долларов ежегодно, но поддерживает блокаду просто потому, что Х. Солана попросил об этом украинского главу государства. А разве прибалтийские государства мало потеряли оттого, что транзит российских грузов пошел мимо них? Но они не следуют прагматическим интересам, они ставят выше них западные ценности. У нас Гайдар с Чубайсом разрушили полстраны, но ни одна буква из демократических догм не должна была пострадать!

Ценность в этом случае является неким источником, на который ориентируются, откуда черпают и собственную идентичность (как мусульмане, например, черпают ее в Мекке и Медине). Источник – это ресурс, нечто, отдающее себя, растрачивающееся. Поэтому чтобы быть такой ценностью, надо отдавать, а не брать, надо жертвовать, а не накапливать.

Ж. Батай, пожалуй самый глубокий теоретик суверенности в XX веке, писал, что только там, где прерываются экономические отношения обмена, по принципу «ты мне – я тебе», где возникает потлач, трата, безудержное раздаривание, жертвоприношение, демонстрирующее реальную независимость дарящего духа от даримой вещи, там и есть подлинная суверенность.

Немудрено поэтому, что суверенитет и победа в войне за суверенитет достается тому, кто приносит жертву, а не тому, кто накапливает. В этой связи уместно опровергнуть модное вот уже 40 лет (но неслыханное и чудовищное для современников мая 1945 года) отождествление фашизма и коммунизма. Для всего мира проект фашизма состоял в предельной геополитиза-

ции, в предельном желании превратить все нации мира в ресурс для одной. Проект же коммунизма состоял в противоположном: в жертвоприношении одной нации во имя всего мира, в своего рода антигеополитике.

Когда Украина или Грузия заявляет о «прагматичной политике», все понятно: это удел маленькой, заурядной во всех смыслах, несuverенной страны. Прагматизм и права – дело плебеев. Но когда Россия заявляет о «прагматизме в отношениях», она становится с ними на одну доску. Что позволено быку – непозволительно Юпитеру! Юпитер (солнце) дарит свет, а бык жрет и жиреет. Судьба их различна: Солнце будет светить миллиарды лет, а быка отведут на бойню, когда он наберет достаточно веса. Зачем мы мечтаем о судьбе быка?

Россия должна быть благороднее, наши культурные гены, наше великое суверенное прошлое должно противиться тому, чтобы вообще разговаривать (а не только вести переговоры!) с кем-то вроде Украины или стран Балтии, с вассалами других.

О каком авторитете, лидерстве, суверенитете может говорить Россия, если она позволяет себе вступать в разборки базарных торгов, перекрикивающих друг друга, ищущих свою выгоду? На что рассчитывает она, неуклюже толкаясь локтями в борьбе за место под солнцем? Любой выигрыш здесь временный, а проигрыш рано или поздно неизбежен. Это гибельный путь.

Хочешь переиграть другого – будь готов к тому, что с тобой будут играть так же, то есть рано или поздно тебя переиграют. ***Надо не бороться за место под Солнцем, а самому быть Солнцем, чтобы остальные боролись за место под тобой.***

Нужно быть среди тех, кто дает и жертвует. Причем давать надо не материальные ресурсы, а духовный свет. Одна из ошибок коммунизма, как и сторонников языческого потлача, состояла в том, что они давали и жертвовали материальными, денежными и людскими ресурсами. Таким образом демонстрировалась власть духа над материей.

Но материя исчерпаема, даже Солнце когда-нибудь погаснет. Возникла отрицательная зависимость: в какой-то момент жертвующему уже нечем больше жертвовать, и значит, он несостоятелен, не может доказать свою суверенность. И тогда из категории «полезных» для всех реципиентов государство превращается в категорию «ненужных», а затем и «вредных».

Судьба редких животных показывает нам, что наибольшему истреблению как со стороны людей, так и со стороны других видов подвергаются вредные и полезные. Причем полезные даже больше. Если применять это к жизни государств, то Россия соединяет в себе эти качества худшим образом. С одной стороны, она потенциально полезна, поскольку богата ресурсами, с другой – вредна, так как сильна и опасна. Россия – первый кандидат на истребление со стороны других видов. Это доказывается многочисленными нашествиями на ее территорию. Недаром великий мудрец Лао Цзы говорил, что лучше быть не вредным и не полезным, а таким, о котором знают, «что он только существует».

Надо вообще уйти от категорий вредности и полезности и рассмотрения себя как материальный ресурс, а также добиться, чтобы нас другие не рассматривали с этой точки зрения. Настоящий источник – тот, что никогда не оскудевает, а становится тем больше, чем больше из него черпаешь. То есть источник духовный.

Говорят, в Японии есть закон, согласно которому старые здания раз в 20 лет сносятся, чтобы на их месте построить новые. Но есть исключения: никто не трогает здания, ставшие памятниками искусства. Нам надо создать такое государство, такой образ жизни, который будет своего рода памятником искусства, чтобы ни у кого на него не поднялась рука.

Если государство несет миру некий свет, не требуя ничего взамен, а также дарит духовные ценности, именно оно обеспечивает себя истинным суверенитетом и обладает настоящей духовной властью над одариваемыми и не способными отдариться по причине нищеты духа. Одариваемые просто проникаются даруемым им духом, испытывают головокружительное чувство превосходства над собой прежними и над теми, кто еще не вкусил ничего подобного. Они

получают невиданное ранее удовольствие, которое не могут обеспечить сами, они «подсаживаются на иглу» духа и отдают все, в том числе материальные ценности и жизнь, за возможность еще раз припасть к истоку.

Этот исток нам надо создать, этот исток нам надо открыть. Исток, откуда на всех без разбора, на все расы и религии, на все сословия и народы прольется духовный свет, без которого они уже не смогут представить жизнь.

Суверенитет России не в руках экономистов и политиков, не в руках военных и ученых. Он в руках философов, святых, пророков и поэтов.

Идеологией нынешней России считается суверенная демократия. Суверенную демократию как только не обзывают разные остряки: и «суеверной демократией» и «сувенирной демократией», и уж, конечно, все норовят сказать, что «никаких особых демократий не бывает, а демократия либо есть, либо нет»...

Демократий было много. Полисная рабовладельческая демократия греков – это одно, демократия итальянских городов-государств – второе, демократия Великого Новгорода, где главой вообще-то был епископ, – третье. Демократия ливийской Джамахирии – это четвертое, представительная демократия в США – пятое, плебисцитарная демократия в СССР – шестое. В конце концов, Гитлер в Германии тоже пришел к власти демократическим путем. Да и в США демократия XIX и XX веков, или демократия начала XX века и начала XXI столетия – бесконечно различны.

Концепция суверенной демократии призвана подчеркнуть, что суверенные государства сами устанавливают формы и процедуры, которыми народ будет осуществлять свою власть. А народ данной страны сам является сувереном и определяет себя самостоятельно, а не с помощью чужих стандартов, в том числе запутанных «стандартов демократии».

Такая концепция, безусловно, лучше, чем концепция «управляемых демократий», как в восточно-европейских странах, когда народам навязывают извне формы и стандарты, которым те должны соответствовать, а Брюссель и Вашингтон раздают налево и направо свои оценки, в том числе России, и преподносят их как эталон.

В то же время я скептически отношусь к концепции «народного суверенитета» вообще. Не народ порождает те или иные формы власти и управления, а элиты. Именно элиты берут их из теорий, в том числе из правовых и государственных.

Сейчас в мире господствует демократический стандарт со всеми его вариациями. Это и есть господство определенной исторической концепции. Мои размышления о суверенитете духа, не отрицая суверенную демократию, идут много дальше и в каком-то смысле противоположны.

Что такое суверенная демократия? В этих словах скрыты: 1) признание некой универсальности демократии; 2) признание некой особенности, ограниченности в ряду этой универсалии нашей специфической демократии. Я делаю два мыслительных жеста, прямо противоположные этим.

Первый жест: отрицание универсальности демократии. Народы не обладают суверенитетом, не будем питать иллюзии. И вообще демократический стандарт устарел в принципе. Именно эта универсалия из банальности и общепризнанности должна быть поставлена под вопрос, подвергнута скепсису. Мы должны породить новую универсалию вместо демократий, новый стандарт вместо общепринятого демократического.

Второй жест: я выступаю не за то, что у нас особая форма, особый угол внутри определенной универсалии, а наоборот, считаю, **мы должны выйти из своего угла, не замыкаться в нем, а именно выйти из него и породить новую универсалию для всех.**

Наш суверенитет означает не противопоставление своей особенности другим особенностям, а делание своей особенности всеобщностью. Мы должны породить стандарт (вместо демократического) который признают во всем мире! Не обязательно России идти особым

путем в рамках всеобщей демократии, надо, чтобы наш путь стал всеобщим, в рамках которого другие народы будут искать свою особенность.

Я не изоляционист, а империалист, но империалист духовный. Я не предлагаю навязать всем наш стандарт, я предлагаю создать такой стандарт вместо демократического, чтобы он был настолько хорош, что его все народы сами примут, сами им соблазняются.

Демократия вовсе не законченная абсолютная истина, а значит, рано или поздно новые универсалии придут ей на смену. Приведем эти новые универсалии в историю мы или будем ждать, когда это сделает кто-то другой, чтобы опять внутри них искать свою особенную форму – вот в чем вопрос! Я считаю, это должны сделать мы. Открыть человечеству новые горизонты вместо того, чтобы искать свой угол внутри уже открытых горизонтов – вот наша задача! Не подражать кому-то, а сделать так, чтобы все нам подражали.

Есть еще одна теоретическая проблема, которая помогает понять, что такое суверенитет духа. Существует давний спор между сторонниками трансцендентализма, который утверждает, что всякий феномен лучше понимается извне, и феноменологии, которая утверждает, что всякий феномен должен познаваться изнутри.

В области политики существует такая же неопределенность. Если почитать западные газеты, пишущие о России, станет ясно, что они, подходящие к освещению событий со своими стандартами извне, ничего в нашей политике и истории не понимают. Следовательно, права феноменология, а значит, некие внешние взгляды на нас должны иметь наше внутреннее происхождение. То есть внешние взгляды – это всего лишь представление одной из наших внутренних партий. Например, оппозиционной партии.

В то же время кажется очевидным, что многие представления наших внутренних партий есть всего лишь трансляция внутрь внешнего взгляда, эти партии выступают пятой колонной других государств внутри страны. Тогда прав трансцендентализм: внутренний взгляд есть лишь интериоризованный внешний взгляд.

В мире, в каждой стране полно людей, смотрящих на себя и свою страну, например, американскими глазами, чужих самим себе. Мы никогда не разберемся с этим противоречием, если не поймем феноменологию как требование, а не как описательную теорию. Лозунг феноменологии «к самим вещам» или «из самих вещей» – императив, требующий создать или открыть внутреннее. Не особую точку зрения в противовес другим точкам, а умение всегда видеть изнутри, из сущности всего мира. Пока страны особым образом будут смотреть друг на друга, они останутся внешними и друг другу, и самим себе. Такой мир как бы вывернут наизнанку.

Сущностный взгляд есть взгляд на все человечество, но не из вне, как это происходит в проекте глобализации, а изнутри. В этом смысле новая универсалия – это не объединяющая абстракция, не надмировые универсальные правила, не общечеловеческие ценности, а некий исторический вызов. Слово «вызов» подразумевает тоже нечто внешнее, поэтому правильнее говорить о культурно-историческом внутреннем толчке.

Мы можем сами инициировать пассионарный толчок. Это не будет похоже на Мюнхгаузена, который сам себя вытаскивает за волосы из болота, потому что дух имеет способность взрываться. Ты только подносишь спичку, а потом ты уже не активист, а уже страдательное существо, ты уже в пассивном залоге, ты заложник, принадлежишь не себе, а этому духу, как и все остальные, которые уже не могут с этим не считаться. Они уже не могут смотреть на себя и других по-старому, они вовлекаются в исторический процесс.

Спичка должна быть поднесена именно к пороху, то есть чему-то существенному в человеке, тому, что еще не взрывалось. А это не национальные идентичности, не экологические вызовы, не политические, не экономические вопросы и не религиозные сущности, которые себя уже проявили.

Новая революция, если можно так выразиться, не будет политической «за свободы и права» или экономической «за хлеб и землю», «против денег» и против «эксплуатации». Не будет она и религиозной, сексуальной, национальной или эстетической. Эта революция, откроет нам новое измерение, которое встанет рядом с политическим, экономическим, национальным измерениями. А может, и отменит их вообще.

Проект и урок Петра Великого

С приходом к власти «питерской» команды, многие аналитики всерьез заговорили о возможной реставрации в России так называемого «петровского проекта». Но поскольку в первый срок президентства В. Путина внятной идеологии и стратегии развития России так и не было озвучено, разговоры стихли. Однако, в связи с активизацией творцов и интерпретаторов национальной идеи, а также в связи с необходимостью идеологии для «преемника», разговоры о проекте «Петр Великий – перезагрузка» вновь участились. Этому способствовали и Конгрессы петровских городов (2009, 2010), проводившиеся в Санкт-Петербурге. Между тем, еще далеко не ясно, что означал в свое время сам проект Петра Великого и что означает Петр I для нашей истории. Попытаемся осмыслить этот феномен.

Личность Петра I волновала и волнует умы всех исследователей истории России. Пожалуй, нет фигуры в русской истории более противоречивой, неоднозначной, подверженной диаметрально противоположным оценкам.

Эпоха Петра – своего рода переломная точка между «старой» и «новой» Россией. Недавно советский фильм про петровскую Россию назвали «Россия молодая», словно не было предшествующей почти тысячелетней истории, будто все началось с нуля.

Характеристики Петра самые противоположные. Он и государь, «вернувший Россию на путь цивилизации», совершивший славные победы, расширивший территорию страны, превративший ее в Империю, «прорубивший окно в Европу», давший начала наукам и Просвещению, основавший промышленность. И он же душегуб, и палач, и пьяница, столкнувший Россию с великого собственного пути, подражатель европейцам, гонитель Православия, уничтоживший патриаршество, антихрист, исторический неудачник, так как дело его и мечты оказались непрочными и нереализованными.

Чтобы понять логику Петра и то, что он сделал, надо напомнить, какой он застал Россию, какую миссию она тогда несла, какой кризис ее порастил, и почему требовалось срочно искать новый путь. Только так мы сможем понять, абсурдные и самоедские ли были действия первого русского Императора.

На первый взгляд, деяния Петра иначе как предательством не назовешь. Ведь он упразднил патриаршество, поразил в правах Православную церковь, которая была сердцем и организатором борьбы с монгольским игом, вела миссионеров на Восток и расширяла пределы России. Церковь дала миссию, идеологию Московскому царству, которое внушило уважение и страх всей Европе. Церковь была организатором ополчения против панской Польши, силы которой вдвое превосходили силы России. Наконец, церковь поставила на престол Романовых. И вот что получила вместо благодарности! За это многие славянофилы ненавидят Петра и повторяют вслед за современниками, что он антихрист. Кто, как не антихрист, мог сгубить «Святую Русь», как теперь принято называть Русь допетровских времен.

Россия как носительница «истины православной веры», Святая Русь действительно существовала, если не со времени принятия христианства, то уж точно со времени начала монгольского ига, которое спровоцировало процесс усиленной самоидентификации. Россия в XII–XV веках, образно говоря, покрылась сетью церквей и монастырей, стала страной с невиданной духовной концентрацией, давшей десятки, сотни святых в короткий период, что сопоставимо со временами гонений на церковь в Римской империи. Процесс этот шел и дальше, и после преп. Сергия Радонежского, и после избавления от ига, и после провозглашения Патриаршества.

Чем объяснить невиданный духовный подъем? Французский философ Ж. П. Сартр, участник Сопротивления, произнес когда-то парадоксальную фразу: «Никогда Франция не была более свободной, чем в период фашистской оккупации». Он ухватил единый феномен,

иногда возникающий в истории великих народов: феномен спровоцированной самоидентификации.

Именно при столкновении с Другим возникает борьба за Свое, понимание Своего, развитие Своего. Известна история вавилонского плена, в который попал народ Израиль. Плен длился 70 лет. За это время израильтяне, которые не были в плену, забыли свои традиции, женились на иноверках... Но вот вернулись те, кто все 70 лет хранил верность религии отцов и дедов. Вернулись фанатики, которые стали наводить порядок. Строжайше соблюдали заповеди, даже жен-инородок прогнали... Как знать, может, если бы не плен, не было бы и сейчас никакого мирового еврейства...

На Россию монгольское иго (что бы под ним не подразумевалось) подействовало как вавилонский плен на Израиль. Она вышла из него верной традициям, закаленной, мобилизованной, с четким ощущением своей самости, так, что Иван Грозный на предложение «давай жить как в Европе» от Андрея Курбского ответил: «Россия не есть Европа, Россия есть Израиль!». Это означало провозглашение гораздо более высокого статуса: мы, подобно Израилю – есть избранный народ, а не какая-то там окраина Европы! Инок Филофей создавал концепцию «Москва – третий Рим». Иван III, памятуя о роли церкви, делает единственной своей программой защиту «старины и Православия». И действительно, при нем Россия достигает небывалых вершин могущества. Памятник Ивану Великому уже давно просится в самый центр столицы!

Но уже при Иване Грозном, произошел серьезный сбой. С чем же он связан? Почему так уверен был в «старине и Православии» Иван III и так колебался Иван IV? Иван Грозный, пытаясь решить проблему выхода к Балтийскому морю, осознал: *насколько успешны были наши походы на Восток и несение «истинной религии» диким народам Урала и Сибири, настолько неуспешны были наши войны на Западе.*

Россия постепенно начала играть роль прокладки, занимая своего рода промежуточное положение между цивилизованной Европой и дикой Азией. Православие как миссия годилось для наступления только в одну сторону и не годилось для наступления в другую. Оно годилось для защиты и не годилось для экспансии. Православие может быть национальной религией России и средством покорения язычников, но не может быть чем-то сверхценным для европейцев, которые имеют свое христианство. На уровне идеологии мы можем в лучшем случае полемизировать, но у нас нет идеологии, которая была бы выше, чем европейская. Более того, Европа начинает показывать и некое гуманитарное превосходство: появляются новые, необычные, социальные концепции и идеи. Поэтому Иван Грозный обращает свой взор в сторону Европы и начинает изучать ее опыт.

Иван Грозный, вопреки мнению многих историков, видящих в нем типично азиатское явление, наоборот, был в значительной мере заражен «европейскостью». После неудачных ливонских войн он впадает в кризис и всерьез задумывается о европейском, по сути, проекте перехода от теократической монархии к светской. Он страдает раздвоением личности. Он еще в споре с Курбским твердо придерживался мнения, что «Россия есть Израиль, а не Европа», но в то же время учреждает опричнину. Ведь постановка себя над Церковью и жестокие казни – это сугубо европейское, невиданное ранее на Руси дело.

Иван Грозный во всем (даже в брачной жизни) брал пример со старшего современника англичанина Генриха VIII. Генрих, а так же испанские короли Карл V, Филипп II, французский король Карл IX казнили сотнями тысяч, так что 3000–4000 жертв Ивана Грозного – просто невиданный «гуманизм и мягкотелость» в сравнении с «цивилизованной Европой». Но именно для России это и был шок, потому что такого зверства от своего государя, от отца, по отношению к своим же православным она не ожидала.

Сам Грозный бесконечно кается, вновь возвращается к казням и кается опять. Эта маятниковость, маята в «голове» России во сто крат увеличенной отразилась в теле государства:

Россия пошла вразнос. Царь сам показал пример, как можно убивать митрополита, лгать, казнить, нарушать все заповеди, а уж если это позволено царю, с которого больший спрос у Бога, то что ждать от слабых, простых людей.

Все стало разрешено, все позволено... Началось смутное время, упадок, прежде всего духовный, череда предательств, толкотни возле трона и проч. Смута спровоцировала поляков к агрессии, а градус русофобии в Европе и так был за предшествующие 100 лет поднят достаточно... Россия теряет суверенитет, прерывается 600-летняя династия, в Кремле сидят марионетки иностранных государств, чего не было уже целый век. Польша в два раза больше России по населению, богаче, превосходит в науках, просвещении, воинской силе... Все безнадежно.

Но Россия победила. Ее спас собственный народ, а не предательская элита. Был возвращен суверенитет, на Соборе с молитвами учреждена новая династия, истинное Православие торжествует над неистинным католичеством. Чего же еще? Все теперь понятно: в выборе между «европейскостью» и «израилевостью» должна однозначно побеждать концепция России как богоизбранного народа.

Вот, говорили в элите: вспомните смуту, царь Иоанн заколебался в вере, мы пришли в смятение и чуть не погибли, а Бог и православный люд спасли Россию. Теперь очевидно, что Православие должно быть и вечно оставаться нашей миссией. Причем, раз оно нас спасло, то мы должны всерьез заняться им, отдать ему дань; должны найти истину внутри истины, суть внутри сути и ответить на вопрос: что делает истинное Православие истинным и православным?

Патриарх Никон берется за эту проблему, ведомый миссией России как Израиля. В Подмосковье он основывает новый Израиль, новый Иерусалим (Новоиерусалимский монастырь), здесь течет новый Иордан (переименованная р. Истра), здесь теперь будет всемирная Мекка Православия, наш Ватикан, и миллионы паломников должны будут устремиться сюда со всего мира.

Невиданный религиозный подъем и общественная дискуссия вокруг Православия, однако, спровоцировала ужасный раскол. Концепция «избранничества» вообще потенциально чревата расколами. Она хороша, когда неизбранные, неверные и неистинные нападают на нас, избранных, и мы защищаемся, мы умеем выживать. Стоит лишь внешнему прессингу прекратиться, внутри начинается дискуссия, кто более избран из избранных, так как логика избранничества требует продолжения избирания, отделения все более лучших от все более лучших, овец от козлищ, зерен от плевел, зерен и овец элитных от просто зерен и овец, и так до тех пор, пока не останется самая суть, самая избранная избранность, вытяжка высшей пробы.

Церковь (по-гречески: эк-клезиа) означает не собрание и соборность, как это часто переводят, а именно избранность (в противном случае была бы не эк-клезиа, а су-клезиа), а глагол эк-клею означает «исключаю».

Половина тогдашней России ушла в раскол. Не так принципиально, кто прав, кто виноват. Действительно ли надо было переписывать богослужебные книги по греческим образцам и креститься тремя перстами, или нет. Важно то, что было понятно: царство, «разделившееся в себе не устоит». И Царь Алексей Михайлович, который раньше готов был к теократии, вынужден показать Никону на его место – НИЖЕ себя и стать арбитром между никонианами и раскольниками. Он вынужден был возвращать протопопа Аввакума, мирить всех, наказывать и казнить тех, кто не захотел замирения (опять же, раскольников).

С патриархом Никоном связана еще одна развилка русской истории. На что сделать ставку: на национализм или на империализм? Если бы Россия пошла по пути раскольников, ратующих за своеобразие страны, мы бы превратились в особенную нацию со своей религией и культурой, как множество других маленьких наций. Никон же не хотел, чтобы наша религия отделяла нас от остального мира. Мы не особенные, мы всеобщие, мы такие же как вы, православные, но мы ГЛАВНЫЕ.

Прошло 100 лет, а возникла та же проблема, что и перед Иоанном Грозным. И опять стало очевидно: Православие хорошо для защиты, Православие хорошо, для колонизации язычников (территория России за это время, между прочим, утроилась), которые не считают себя избранными, но не годиться для наступления, для прорыва в Европу, которая тоже имеет христианское мировоззрение и считает его не менее истинным, чем Православие.

Оставлять все как есть тоже нельзя – возникают саморазложение и самораскол. Хочешь – не хочешь, царь вынужден становиться светским государем и вставать над церковью. А ведь в Европе начинается расцвет наук и ремесел, что лично увидел молодой Петр, прибыв в протестантский Амстердам, столицу тогдашнего Запада, перехвативший этот статус у католических Венеции и Генуи.

России требовались выходы к морям, мир богател только за счет торговли, коммуникаций и транзакций. Очевидно, что протестантизм виделся Петру высшей гуманитарной практикой в сравнении с «архаичными» Православием и католичеством. Более того, настоящей религией для Петра становятся «наука и техника», которые выглядят идеологически и религиозно нейтральными и, тем самым, универсальными. А значит, успехи в науке и технике будут способствовать экспансии, будут помогать покорять и язычников, и православных, и католиков, и протестантов. Наука и техника – есть передовая идеология, с ней можно идти в любую сторону. Это будущее Европы, куда России надлежит выпрыгнуть раньше самой Европы, пока она, разрозненная, борется с собственными «пережитками прошлого».

Вот такая Россия досталась Петру I. И он, решая аналогичную «проблему Европы и Запада», уже ни минуты, в отличие от Ивана Грозного, не сомневался. Он стал «грозным» не в конце жизни, а в начале, когда сам сек головы стрельцам, сам участвовал в пытках.

При Петре погибло гораздо больше народа, чем при Иване IV. Он завершил начавшийся уже процесс полного перехода к светскому государству, упразднил патриаршество, закрыл часовни, повелел «мощей не являть и чудес не выдумывать», запретил жечь свечи вне церкви, писать иконы на дереве... Он брил бороды, заставлял носить европейское платье, менял календари и алфавиты. И это была принципиальная позиция, заключающаяся в ставке на мимесис, подражание.

Философ Лейбниц, «главный» в то время, высказал Петру сомнения относительно долговечности его преобразований, поскольку они были поверхностны, не выросли из народного духа, из сущности, а привнесены извне, причем довольно быстро и радикально. Петр ответил философу так же, как Ленин позже отвечал Плеханову: «Вы говорите, что в России не развиты производительные силы, чтобы на их основе развивались соответствующие производственные отношения? Вы говорите, что социалистическая революция может быть только в развитых капиталистических странах?»

А я отвечаю, что мы сначала создадим соответствующую надстройку, и она потянет за собой базис!»

«Народный дух создается привычкой, – говорит Петр Лейбницу, – а не привычки вырастают из духа, поэтому мы поменяем привычки, и у нас появятся новый дух и новый народ». По сути здесь воспроизводится спор того же Лейбница с Локком, утверждающим, что сознание есть «чистая доска», на которой опыт пишет все, что угодно. Сам же Лейбниц ратовал за уникальность каждого духа, за разнообразие духов, и считал, что нужно развивать свое мировоззрение из себя самого.

Петр не услышал этого. Нет никакой предзаданной сущности в сознании народа, есть только текущий исторический опыт и привычки. Петр был первым «большевиком». Но чего он добивался? Простого превращения русского народа в типичный европейский? Нет, за этим ВНЕШНИМ подражанием Европе стоял совершенно другой проект!

Чтобы понять логику Петра, его душу Петра, необходимо небольшое отступление. Дело в том, что на изломе истории, в период перехода от феодализма к капитализму, стали враждо-

вать две принципиальные парадигмы. Средневековые подчинялись закону рода и происхождения. Человек, родившийся, например, графом или князем, получал место в обществе благодаря своему благородству, он приходил «на все готовое». Человек капиталистический, чтобы добиться чего-то, должен был пройти определенный путь, стать селфмэйдменом. Он должен был заплатить годами упорного труда за свой статус. Только то, что завоевано трудом, ценится высоко, только то, что взято усилием и собственной жизнью – настоящее. Настоящая свобода, например, не у аристократа, родившегося свободным, а у раба, который освободился.

Не будем спорить, насколько это верно, важно, что Петр получил власть в борьбе с династическими группировками, а не естественным образом, и он, очевидно, был склонен придерживаться новой логики и новой парадигмы.

Кроме того, новая парадигма породила логику маргинализма. В чем она состоит? Человек родившийся, грубо говоря, в столице, в центре некой культуры, подобен старому аристократу – он естественным образом получает все готовое. Человек, родившийся на окраине, находится в эксцентричном положении. Он чувствует, что принадлежит к некой культуре, но в то же время ее центр находится где-то во вне, и ему надо до него дойти, его «покорить», «завоевать столицу».

Этот феномен известен нам не только на примере корсиканца Наполеона, мы и сейчас свидетели того, что вся московская, например, элита – «некоренные москвичи», которые видят в москвичах сонных мух. Одним словом, гении рождаются в провинции, а умирают в столице. Именно потому, что гений сам прошел путь до центра, заплатил за него жизнью, а не получил на блюдечке с голубой каемочкой.

Важно еще и вот что: живущий в провинции постоянно сталкивается с чужим, с иной культурой, он находится в экстремальной ситуации, когда вынужден постоянно балансировать на грани своего и чужого, упорно защищать свое. Живущий в центре находится под защитой окраин и с чужим не имеет дела. Более того, он даже толком не умеет отделять свое от чужого, не имеет представления о чужом, часто путает свое и чужое и, главное, часто соблазняется чужим, как чем-то далеким, интересным и экзотичным. Поэтому для провинциала «столичные фрукты» не только сонные мухи, но и предатели, которые вместо защиты своего и его развития постоянно увлекаются чужим, предадут свою провинцию.

Все экстремисты вырастают из провинциалов. Из современных примеров – Жириновский, родившийся в Средней Азии в семье «юриста» и ставший главным русским националистом.

Маргинальное происхождение обладает и еще одним преимуществом. Тот, кто находится на краю культуры или даже одной ногой стоит в одной культуре, а другой ногой в другой, имеет возможность посмотреть на свою культуру со стороны, имеет точку опоры во вне, позволяющую переворачивать свою культуру, модернизировать ее.

Эта логика позже прекрасно будет интегрирована, например, в марксизм. «Посмотрите, – говорит Маркс, – пролетариат – это класс, вытолкнутый на обочину общества, но именно поэтому он может видеть целое этого общества со стороны и именно поэтому может из вне преобразовывать это общество».

Маргинальный класс является и самым передовым. Ленин продолжает Маркса: «В капиталистическом мире, – говорит он, – маргинальной является Россия, это „слабое звено“, именно поэтому она может видеть его стороны и перевернуть его, именно поэтому революция произойдет не в передовых странах, а в России...»

Безусловно, не все, живущие на границе, так жестко цепляются за свое. Много тех, кто в этой экстремальной ситуации, наоборот, соскальзывает в другую сторону, присягает чужой культуре. Такое бывает особенно часто, когда чуждая цивилизация демонстрирует успехи на фоне упадка своей.

Пограничье часто переходит в другую цивилизацию и становится окраиной чужой культуры, хотя недавно она была окраиной культуры другой. И там так же возникают рьяные патриоты, но уже чужой культуры, потому что факт предательства требует внутреннего самооправдания, постоянно требует доказательств того, что тот, кого ты предал, был достоин этого, а тот, кому ты присягнул, требует действенного подтверждения предательства.

Таким пограничьем в те века (да и сейчас) была Украина. Украинская проблема стояла перед Петром в широчайшем масштабе.

Украина как государство тогда не существовала. Люди, которые жили там, называли себя русскими, а вся территория, называлась Малой Русью. Малороссией. «Малый» не значит маленький. Правильный смысл – «исконный», подобно тому, как в русских городах «малый Кремль» (детинец) – начальный, иконный Кремль, от которого рос потом город.

Украиной (окариной) презрительно называли эту землю поляки и литовцы и то не в смысле самоназвания, а в прямом смысле «приграничья». Слово «украинец» было фактически не распространено, и даже когда употреблялось, означало не национальную принадлежность, а географическую, как например, «поморец», «сибиряк», «уралец». Нацию из украинцев стали делать уже в XIX–XX веках на деньги австро-венгров и поляков, переписывая русских и русин как «украинцев».

В эпоху Смутного Времени «украинцы», входившие в состав Речи Посполитой, выступали на стороне Польши и фактически на треть усиливали ее потенциал, борясь с русскими братьями по крови, по религии, по языку, культуре. Во время русско-польских войн XVII века «украинская элита» умудрилась трижды продать свою страну трем соседним государствам, то есть объявляла о своем вхождении в них.

В 1654 году Хмельницкий воссоединил Украину с Россией на Переславской Раде. В 1658 году гетман И. Выговский заключил Гадячский договор о возвращении малой Руси в польское подданство. Примечательно, что в тексте договора стояли такие слова: «Мы, послы русской нации, от имени ее присягаем...». Гетман Дорошенко, для борьбы с гетманом Брюховецким активно привлекавший татар, в 1669 году вообще от имени всех казаков присягнул Турецкому Султану, который объявил всю Малую Россию своею.

По Андрусовскому перемирию 1667 года и Вечному миру 1686 года территория Малой России была разделена между Московским царством и Речью Посполитой, однако гетманские измены, нарушавшие суверенные права Москвы, переходы казаков на польскую сторону продолжались на протяжении всего XVII – начала XVIII веков.

В свою очередь, московское правительство шло на уступки гетманам и казачьей аристократии, узурпировавшим власть и установившим крепостное закабаление малороссийских крестьян. Оно фактически устранилось от управления этими землями, разрешило оставлять в гетманской казне все доходы с городов и сел Малороссии.

Многие российские государственные деятели высказывались за лишение Украины русского подданства, что, впрочем, не находило поддержки у глубоко религиозного царя Алексея Михайловича (1645–1676), не желавшего отдавать православный народ под власть католиков или мусульман.

Постоянное метание между разными государствами и цивилизациями, между трех огней, отразилось на характере украинской элиты: постоянные раздоры, недоверие себе и другим, предательство союзников...

Поговорка «где два хохла – там сразу три гетмана» родилась не вчера. Иван Мазепа, ставший гетманом в 1687 году, прошел большой жизненный путь. Он бывал и при русском дворе, и при польском. Его логика – логика типичного вышеописанного маргинала. Он видел две цивилизации и разрывающееся между ними пограничье и должен был либо на всю жизнь присягнуть одной из них, либо, как прежние гетманы, постоянно сидеть на всех стульях, интриговать

и предавать. Душой и воспитанием он был с поляками, но поляки считали его человеком второго сорта: Мазепа ведь был русским (слово «украинец» тогда не означало национальность).

Его знакомство с Петром I стало находкой. Он увидел в увлеченном Европой Петре единомышленника и с радостью присягнул ему, целовал крест. Мазепа опирался на Петра и в своей борьбе с казачьими атаманами, поклонниками старины и Православия. Те по старинке «стучали» на него в Москву и обвиняли в русофобии. Петр с чистой душой сдавал их Мазепе, а тот расправлялся с противниками европеизации.

Сам Петр также мыслил в маргинальной парадигме. Однако он был царь, и не рассматривал Россию как иную цивилизацию в сравнении с Европой, как это делал Мазепа. Для Петра I Россия (не Украина) была своего рода границей Европы, и Петр, как классический «провинциал», решил «покорить столицу».

Мазепа и Петр подружились и видели друг в друге единомышленников на почве западничества. Но каким разным было это западничество!!! Мы уже почти 200 лет делим нашу интеллигенцию на «западников» и «славянофилов», но не подозреваем, что есть два принципиально разных вида западников: одни, одержимы комплексом неполноценности и готовы служить западу, другие хотят рулить самим Западом как центром мира. Оттого и разная судьба постигла Петра и Мазепу.

Казалось, расчет Мазепы был точен, он нашел четвертую силу (вместо прежних Польши, России, Турции), а именно Швецию. Самую могущественную страну той эпохи. Передовую в технической, военной, научной сферах. Карл покорил половину Европы, и его армия превосходила российскую по всем параметрам, это доказало и русское поражение под Нарвой. Карл покорил Данию и Польшу, перед ним заискивали французы и англичане, саксонский король, союзник Петра, тайно подписал с Карлом мирный договор.

Оттого, на чью сторону встанет Мазепа, зависел дальнейший расклад сил. И Мазепа, по старой гетманской привычке, предал Петра, взяв жовто-блокитный шведский флаг (нынешний флаг Украины). Это было катастрофой, нельзя описать все переживания Петра. Под Полтавой его могло спасти только чудо, и оно случилось. Мазепа бежал и кончил так же, как многие гетманы до него, стал символом позора и предательства. А Петр победил не кого-нибудь, он победил саму Европу в ее тогдашнем наивысшем проявлении (как позже мы победили высшее проявление Европы – Наполеона, высшее проявление и покорителя Европы – Гитлера).

Нельзя видеть в Петре просто жалкого подражателя и марионетку Запада, какого-нибудь саакашвили или ющенко тех времен. Уже то, что Петр не пошел за влиятельнейшим католичеством, а выбрал для подражания протестантские страны, говорит о многом.

Если для западников за счастье считалось быть последними в Европе, то проект Петра состоял в том, чтобы стать в Европе ПЕРВЫМ. Никак не меньше.

О том, что его народ предназначен только для лидерства, Петр заявляет в разговоре с Лейбницем. Концепция «избранности» России осталась от отцов и дедов, но теперь она переформулирована так, что Россия, как партизан и шпион, сначала маскируется под Европу, перенимает у нее все лучшее, а потом внезапно становится тем, к чему давно стремилась, – лидером. Россия должна была не просто победить Запад, а стать центром западного мира и центром Европы вообще!

Подобно тому, как Патриарх Никон в порыве реализации идеи «России – Израиля» всеерьез создавал под Москвой Палестину (с Иорданом, Голгофой, Сионом, Вифлеемом, новым Иерусалимом, Назаретом и проч.), Петр Великий хотел создать в России новую столицу, Санкт-Петербург, которая была бы большей Европой, чем сама Европа.

Ярчайший представитель «Святой Руси» св. князь Александр Невский сказал: «Кто с мечом к нам придет, от меча же и погибнет!». Петр хотел победить Запад его же оружием: науками, духом, идеями, просвещением. Так, оказывается, наше «западничество» вытекает из нашего «славянофильства»!

Именно поэтому Петр затевает перекачку мозгов, встречается с главным философом того времени – Лейбницем, делает ставку на флот как основу тогдашнего могущества.

Интересен и такой факт: мы употребляем слова «Европа» и «Азия» часто не задумываясь, откуда они вообще взялись, на каком основании те или иные территории были отнесены туда или сюда и кто это сделал. А сделал это, то есть провел границу Европы по Уралу, картограф Страленберг по подсказке «птенца гнезда Петрова» В. Татищева! И теперь, согласно всем картам, Санкт-Петербург оказывается самым центром, столицей Европы!

О духовном лидерстве в Европе, а «не токмо» о географическом, мечтает еще один «петровец» – Михаил Ломоносов, который говорит о «собственных Платонах и быстрых разумом Невтонах», которые вот-вот появятся в России и сделают ее духовной и научной империей.

Иностранцев ко двору русских князей в большом количестве начал приглашать еще Иван III, но это были узкие специалисты: архитекторы, живописцы, пушкарки. При Петре I началась настоящая перекачка мозгов на всевозможные должности, чтобы в следующем поколении, обученные русские могли превзойти учителей, как сам Петр превзошел своего военного учителя короля Карла под Полтавой.

Но уже в этом крылся подвох. Одно дело – снимать сливки с западной культуры и науки, так, чтобы этот плодородный слой дал учеников, действительно превосходящих западный уровень, другое дело приглашать ловцов счастья, денег и чинов, космополитов третьей свежести, которые могли дать таких же серых бездарных учеников и обеспечивали не превосходство над Западом, а постоянное отставание.

К тому же западные серость и чванство действительно стали душить самородные русские таланты, появившиеся в результате энергичного порыва нового проекта. На это справедливо жаловался уже Ломоносов.

Возникло как бы две России. Одна, народная, все еще была православной, традиционной, допетровской (пугачевщину, кстати, можно интерпретировать как попытку бунта против либеральной элиты и возвращения к старым порядкам, с настоящим царем). Другая Россия, дворянская, была европейской. Постепенно она даже полностью перешла на другой язык. Голландцев и немцев сменили англичане, а потом французы.

Тонкий слой элиты жил европейской жизнью. Дворцовые перевороты, балы, красавицы, лакеи, юнкера... Россия, к тому же, считает своим долгом участвовать во всех европейских делах, в европейской политике.

Россию использует как союзника то одна держава, то другая. Льется русская кровь, но ощутимых выгод стране это не приносит, наоборот, Россию презирают те, кому ее удалось использовать, и бояться и ненавидят те, кому это не удалось.

Но все победы России, военные победы, делались народом на основе прежней православной миссии. Народ воевал за спасение души, православного Бога, православного Царя и православное Отечество, а не за либеральную свободу или геополитические интересы.

Все великие полководцы использовали Православие для поднятия духа войск. Ушаков уже канонизирован, Суворов обязательно будет канонизирован, как человек живший православной жизнью и прививавший в войсках православие. Кутузов позже приказывал обносить иконой Божьей Матери войска перед любой битвой.

Величие и авторитет России опять держался на воинской славе, на штыке. Россию в Европе боялись, но ею не соблазняются. Она опять предстает страной чуть обузданных варваров. За европейским лоском найдешь азиата – говорят о России. Пока Екатерина гордится, что переписывается с самым модным философом Европы – Вольтером, сам Вольтер использует переписку в качестве пиар-акции для реализации часов фирмы, в которой он акционер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.